

Юлия Стэфани Херрера

СПАСТИ МАМУ

Девочка, которая слишком рано
стала взрослой и забыла о себе

ДОЧКИ-МАТЕРИ • КНИГА 3

16+

Юлия Стэфани Херрера

**Спасти маму. Девочка,
которая слишком рано стала
взрослой и забыла о себе**

«Автор»

2026

Херрера Ю.

Спасти маму. Девочка, которая слишком рано стала взрослой и забыла о себе / Ю. Херрера — «Автор», 2026

Она была ещё ребёнком, когда решила, что должна сделать маму счастливой. Ася слишком рано научилась быть взрослой. Замечать мамины тревоги, решать чужие проблемы, предугадывать трудности и брать на себя ответственность, о которой её никто не просил. Годы прошли, но привычка спасать осталась. Теперь Ася умеет справляться практически со всем. Кроме одного — чувства вины, которое возникает каждый раз, когда она выбирает себя. Почему чужое спокойствие кажется важнее собственного? Почему так трудно сказать маме «нет»? И где проходит граница между любовью и ответственностью за чужую жизнь? «Спасти маму» — третья книга психологической серии «Дочки-матери» о преждевременном взрослении, семейных ролях и дочерях, которые привыкли быть сильными за всех. Через историю Аси, её матери Людмилы и сестры Тони книга помогает увидеть, как незаметно любовь превращается в обязанность, а забота — в отказ от собственных желаний. Любовь к родителям — это навсегда, а вот чувство вины — нет.

© Херрера Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Роли меняются местами	6
Г	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Спасти маму. Девочка, которая слишком рано стала взрослой и забыла о себе

Предисловие

Когда-то ты была маленькой девочкой, которая очень хотела, чтобы мама была счастлива.

Ты замечала её усталость, чувствовала тревогу и старалась не доставлять лишних хлопот. Возможно, однажды ты решила, что должна быть сильной за вас обеих.

Потом ты выросла. Но привычка отвечать за мамино спокойствие осталась. Её проблемы стали твоими задачами, а её счастье — условием твоего собственного.

Прежде чем ты продолжишь читать, мне хочется сказать одну важную вещь.

Эта книга вовсе не о том, что наши родители плохие или токсичные. Я искренне считаю, что любить родителей, ценить их заботу и быть благодарными за всё хорошее, что они для нас сделали, очень важно.

Но любовь не должна требовать отказа от себя.

Можно понимать мамины страхи и не делать их своими. Можно помогать родителям, не принимая на себя ответственность за всю их жизнь. Можно любить их всем сердцем и при этом иметь собственные желания, решения и границы.

Эта книга — не о том, как отдалиться от мамы. Она о том, как научиться быть рядом, не теряя себя.

Ведь здоровые личные границы не делают любовь слабее. Они позволяют ей оставаться любовью, а не превращаться в обязанность.

Мне хочется, чтобы после прочтения этой книги ты не стала любить своих родителей меньше.

Мне хочется, чтобы ты научилась любить и себя тоже.

Глава 1. Роли меняются местами

В один из октябрьских вторников Ася сидела в переговорной на четвёртом этаже, напротив неё двое мужчин из службы поставок раскладывали на столе бумаги, а телефон в кармане пиджака дрожал третий раз подряд. Она знала, кто это. Она знала это по ритму: первый звонок, пауза, второй, пауза, третий — и потом сообщение, короткое, с пропущенной запятой, потому что мама печатает одним пальцем и никогда не проверяет, что получилось.

— Извините, — сказала она мужчинам. — Мне нужно ответить. Это мама.

Один из них кивнул понимающе, второй посмотрел на часы. Ася вышла в коридор, прижалась плечом к стене у окна и набрала номер. Людмила ответила сразу, будто держала телефон в руке.

— Ася, наконец. Я тебе три раза звонила.

— Я была на встрече. Что случилось?

— Мне пришло письмо. — Голос у мамы был тот самый, который Ася слышала с детства в минуты настоящей тревоги: ровный, тихий, чуть выше обычного. — Там написано: явиться в кабинет триста двенадцать. А где этот кабинет, я не знаю, у нас в поликлинике раньше такого не было, и я не понимаю, что мне с этим делать.

— Мам, я прочитаю письмо. Сфотографируй его, пожалуйста. Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Сейчас нормально. Просто я испугалась письма. А ещё в четверг давление поднималось.

Мама сказала, что сейчас чувствует себя обычно. Ася попросила прислать письмо целиком, проверила отправителя по официальным контактам поликлиники и выяснила порядок обращения. Это заняло девятнадцать минут: в том числе ожидание ответа и поиски полиса, который лежал в комоде под Тониным свидетельством о рождении. Вместо того чтобы назвать время, когда освободится, она уже занималась всем сразу. В конце объяснила, где кабинет, и предложила написать ещё раз.

— Хорошо. Только ты напиши понятнее, я эти их слова не понимаю.

Когда Ася вернулась в переговорную, мужчины уже убрали бумаги и разговаривали о чём-то своём. Встреча, ради которой она ехала через город и готовилась четыре дня, шла без неё ещё минут десять, и потом один из них сказал: «Ну, в целом мы всё обсудили, пришлите нам условия». Ася вышла из кабинета с ощущением, что её аккуратно вынули из собственной жизни на девятнадцать минут и поставили обратно немного меньше, чем было.

Письмо было настоящим, и маме действительно требовалось пояснение. Ей было шестьдесят два, она жила одна и не поняла новые правила. Но из этого не следовало, что весь вопрос нужно решить посреди Асиной встречи. В тот день можно было сначала уточнить, нет ли срочности, а потом договориться о времени. Этой короткой договорённости и не случилось: дочь услышала тревогу и уже вышла в коридор.

Спасательство не начинается с большого решения. Оно начинается ровно с такого звонка.

Первый раз ты помогаешь, потому что тебя попросили, и потому что тебе не трудно, и потому что ты знаешь, где лежит полис. Второй раз ты помогаешь, потому что тебя не попросили, но ты видишь, что мама не справляется: она забыла, она перепутала, она три дня не может дозвониться, и ты делаешь это сама, чтобы не смотреть, как она мучается. Третий раз ты уже не спрашиваешь и не ждёшь просьбы — ты просто знаешь, что это твоя часть работы, как знать, что в четверг выносят мусор. И через несколько лет оказывается, что у мамы в квартире есть телефон, по которому она не звонит в поликлинику, есть дочь, которая звонит вместо неё, и есть полное внутреннее право не звонить, потому что дочь всё равно позвонит.

Не обязательно начинать с обвинения себя или матери. В отдельной ситуации можно увидеть, как возникла договорённость, чего ожидали обе и что теперь не подходит. При этом добрые намерения не отменяют причинённого вреда, если он был. Разговор о распределении заботы не требует заранее объявить всех виновными или всех невиновными.

Второе, на чём это проваливается, — на слове «помощь». Пока ты называешь происходящее помощью, любая попытка отойти выглядит как отказ от помощи. А отказ от помощи в нашей культуре — почти преступление. Поэтому разговор сразу съезжает в мораль: «ты что, мать бросишь?» — и дальше спорить нечем, потому что на этот вопрос нет хорошего ответа.

В Асиной жизни дела накапливались по отдельности: письмо, полис, ремонт, разговор с Таней, который они всё время вели через Людмилу. Вместе это занимало больше внимания, чем дочь обычно признавала. Ей хотелось увидеть объём, не превращая заботу в чужую жизнь, к которой она якобы вообще не имела отношения.

У Аси привычка складывалась постепенно. Отдельные просьбы стали постоянной готовностью, которую они с мамой редко обсуждали.

Сначала было понятное дело: привезти назначенное лекарство, когда мама не могла добраться до аптеки. У такой помощи есть содержание и необходимый срок. Сами назначения уточняет врач; дочь может помочь с покупкой и доставкой, не выбирая лечение вместо него.

Такой порядок мог начаться с мелочи, которую Ася делала, потому что быстрее самой. Записать, разобраться с квитанцией, уточнить дорогу. Иногда это действительно облегчало жизнь. Но условия редко обсуждали заново, даже когда прежняя срочность давно проходила. Ася продолжала делать, а мама — рассчитывать на знакомый ответ.

Дежурство по умолчанию. Здесь уже никто ничего не просит и никто не благодарит. Ты просто держишь. Ты знаешь расписание её лекарств лучше, чем она. Ты помнишь, что у неё в среду врач, а в пятницу придут счётчики. Ты держишь в голове её долг за свет, потому что она забывает, и её отношения с соседкой Ниной, потому что они опять поссорились из-за сумки в подъезде. Это дежурство не имеет ни начала, ни конца, у него нет выходных и нет сменщика, и самое неприятное — его никто не видит. Не видит мама, потому что для неё это норма. Не видит Тоня, потому что у Тони своя часть. Не видит мужчина из службы поставок, который смотрел на часы.

Иногда сначала замечаешь только усталость. Можно разобраться, что отнимает время, даже если пока не нашлось названия для всего порядка отношений.

Ася решила выписать, чем занята в течение недели. На листе хотелось увидеть конкретные звонки, поездки, переводы и те вопросы, которые она обдумывала между делами. Так было проще подготовить разговор о чём-то определённом.

Если тебе полезны записи, можно начать с нескольких дел последних дней. Домашние вопросы, деньги, здоровье, разговоры с родственниками могут оказаться рядом. Необязательно вспоминать всё за один вечер или заранее знать, кому относится каждый пункт.

В части «дела» окажется быт: продукты, ремонт, квитанции, запись в поликлинику, поездки, документы, техника, которую надо настроить. В части «деньги» — долги, кредиты, переводы, которые ты делаешь «пока», потому что мама не успела, и то, что ты никогда не просишь назад. В части «здоровье» — лекарства, приёмы, анализы, напоминания, вопросы «ты померила давление». В части «отношения» — родственники, с которыми ты ведёшь переговоры от её имени, и соседи, и те, с кем она поссорилась, а мириться приходится тебе. И в части «настроение» — самое невидимое: её тревога, её обиды, её плохие вечера, её «мне сегодня что-то нехорошо», после которого ты полдня не можешь работать.

Ася сделала эту карту в субботу утром, за кухонным столом, с чашкой чая, которая остыла нетронутой. Она писала минут двадцать, потом отложила ручку, потом взяла снова. К концу у неё был список из тридцати одного пункта, и в нём было три вещи, которых она не ожидала.

Больше половины записей касалось дел и здоровья. В разделе про деньги оказалось четыре регулярных расхода, которые Ася никогда толком не обсуждала. Про настроение она сперва написала «всё», потом зачеркнула. Мама не была только тревожной, да и дочь не могла знать каждое её чувство. Ася оставила три конкретных звонка, после которых долго не могла вернуться к работе.

На листе нашлись и общие обязательства, и добровольная помощь, и то, о чём никто прямо не договаривался. Асе ещё предстояло уточнить различия. Зато теперь слово «всё» стало несколькими разговорами, которым можно было найти время.

Вечером она приехала к Тоне и увидела ту же карту, только другую.

У Тони в прихожей стояли две сумки с продуктами, а на кухне сохла детская посуда и работал телевизор без звука. Тоня кормила младшего, держа телефон между ухом и плечом, и говорила короткими очередями, как человек, который идёт по тонкому льду и знает, где он проломится:

— Да, мам. Да, я помню. Нет, я не забыла. Мам, я перезвоню. Мам, я тебе правда перезвоню.

Она положила телефон на стол, выдохнула и сказала:

— Она мне про то, что я редко привожу детей.

— А ты привозишь.

— Каждые две недели. — Тоня посмотрела на Асю и вдруг усмехнулась. — А знаешь, что смешно? Она мне никогда не звонит про поликлинику. Про поликлинику она звонит тебе.

— Потому что ты с детьми.

— Нет. — Тоня села напротив, подтянув колено к груди. — Потому что у нас так распределено. Я отвечаю за то, чтобы она не была одна. Ты отвечаешь за то, чтобы у неё всё работало.

Ася хотела возразить и не смогла. В этом было что-то очень точное и очень неприятное: две дочери одной матери, и обе держат её жизнь, только разными руками. Тоня — присутствием, звонками, детьми, воскресными обедами, той частью, которая не оставляет следов в документах и поэтому не считается работой. Ася — устройством: бумаги, деньги, врачи, квинтанти, переговоры. И обе выросли с ощущением, что недодают.

— И знаешь, что самое дурацкое? — сказала Тоня. — Я иногда думаю: вот ты всё это делаешь, а я только приезжаю. И мне кажется, что я хуже.

— А мне кажется, что я хуже, потому что я только бумаги, а ты привозишь детей.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись, коротко и безрадостно, потому что в этом смехе было тридцать лет.

В этот вечер сёстры заметили, что знают далеко не всё об участии друг друга. Даже количество звонков не объясняло, чего каждый из них стоил. Тоня могла час говорить с мамой, пока кормила ребёнка, Ася — держать в голове неоплаченный счёт между встречами. Ни одной не хотелось больше доказывать свою любовь размером этой незаметной работы.

В понедельник её остановила Женя — коллега, с которой они третий год вели один проект, — и остановила в самый неудобный момент, у кулера, когда до совещания оставалось четыре минуты.

— Ты в прошлый вторник тоже выходила, — сказала Женя, набирая воду. — Я не считаю, просто заметила.

— Мама, — сказала Ася. — Ей пришло письмо, она не поняла, куда идти.

— Я так и подумала. — Женя не уходила, и по тому, как она держала стакан, было видно, что разговор только начинается. — У меня то же самое было, года три подряд. Я выходила в коридор, отвечала, возвращалась и до конца совещания не понимала, о чём вообще была речь.

— И что ты сделала?

— Ничего героического. Стала оставлять телефон в ящике стола на час. Не потому, что я такая собранная, а потому, что поняла простую вещь: если я выхожу каждый раз, когда он звонит, то в комнате меня нет.

За последние две недели Ася одиннадцать раз прерывала работу или поездку ради звонка. Несколько вопросов действительно можно было перенести на вечер. Другие касались самочувствия, и их не следовало считать несрочными только потому, что всё закончилось благополучно. Нужно было уточнять происходящее, а при тревожных симптомах обращаться за медицинской помощью, не ждать возвращения дочери.

И вот что в этом счёте оказалось самым неприятным: она не могла сказать, что её вынимают насильно. Она выходила сама, каждый раз, за две секунды, почти без мысли, и каждый раз это казалось единственно правильным решением. На работе её ценили ровно за это — за то, что она доводит до конца, — и та же самая привычка доводить до конца тянула её в коридор, потому что мамин вопрос, оставленный без ответа, тоже был делом, а незакрытых дел она не выносила.

Есть и четвёртый провал, о котором говорят меньше всего: ты ждёшь, что тебя заметят. Не похвалят — заметят. Что кто-то со стороны увидит, сколько ты держишь, и назовёт это вслух, и тогда можно будет наконец выдохнуть. Этого не происходит, потому что объём чужой работы не виден по устройству: он состоит из того, что не случилось. Не случилось переплаты за воду, не случилось пропущенного приёма, не случилось трёх дней без лекарства, не случилось ссоры с Таней. Ничего не случилось — значит, и замечать нечего.

Ася попробовала заранее назвать время для несрочного разговора. Ей хотелось остаться доступной для связи, не обещая мгновенно решать каждый вопрос.

Для мамы, если вопрос не срочный: «Мам, я перезвоню после шести, тогда и разберёмся». Здесь важна не отсрочка, а названное время: человек, которому сказали «после шести», не остаётся один со своей тревогой, он знает, когда его услышат.

Если мама говорит «я не понимаю»: «Давай ты попробуешь сама, а я подскажу, если застрянешь». Ты не уходишь и не отбираешь, ты остаёшься на линии, но действие остаётся её.

При сообщении о плохом самочувствии можно сначала уточнить, что происходит и нужна ли срочная медицинская помощь. По громкости голоса нельзя уверенно определить опасность. Не всякий вопрос решается выбором, когда дочери удобно приехать.

На работе тоже можно обозначить необходимое: «Мне нужно ненадолго выйти. Продолжайте, пожалуйста; к обсуждению своей части вернусь». Если вопрос может подождать, полезнее назвать близкому время обратного звонка. Важная встреча и важная помощь требуют решения по обстоятельствам.

Для себя, вслух, в машине: «Это её дело, а это моё». Не как заклинание, а как разметка: вот здесь заканчивается её жизнь и начинается моя, и я могу быть рядом, не переезжая жить на её сторону.

Запись не даёт права на перемены — это право не приходится зарабатывать заполненным листом. Но список может помочь назвать одну конкретную вещь. Ася пока хотела обсудить звонки во время встреч, не обещая ни себе, ни маме сразу перестроить всю жизнь.

Труднее было удержать эту мысль в момент звонка. Ася несколько раз перечитывала написанное, стараясь не превращать его в очередную обязанность.

«Это не моя жизнь, это моя работа». Она помогает отделить себя от роли. Ты не обязана быть человеком, который держит всё; ты человек, который когда-то взял на себя работу и может её пересмотреть.

«Я не отказываюсь, я считаю». Это ответ на внутренний голос, который сразу скажет, что ты затеяла что-то жестокое. Ты пока ничего не отменяешь. Ты смотришь.

Прошлый опыт мамы тоже был важен: она работала, растила детей, справлялась с бытом. Но это не доказывало, что любая новая задача ей доступна сейчас. Можно спросить, в каком

месте возникает трудность, и не выбирать заранее между двумя крайностями — полной беспомощностью и способностью ко всему.

Ася закончила список и почувствовала злость. Не стала сразу решать, на кого именно. На следующий день захотелось дописать ещё несколько дел, но она оставила это до вечера. Можно было возвращаться к листу постепенно, не пытаясь получить окончательную картину за двадцать минут.

Внизу осталось несколько вопросов: о какой помощи они договорились, какая ещё нужна маме и что Ася делает только потому, что боится остановиться. Ответы пока не совпадали с привычным делением на хорошую и плохую дочь.

В тот октябрьский вечер, когда Ася впервые оставила рабочий телефон в сумке до конца встречи, мама не позвонила. Позвонил человек, которого она ждала сама, — мастер по поводу кухонных розеток. Ася увидела пропущенный уже на парковке и сразу расстроилась: теперь придётся снова ловить время. Получалось, общее правило о недоступности не различало, чья жизнь наконец получила место в календаре.

Она перезвонила. Мастер мог прийти только в четверг между двумя и четырьмя. Ася открыла расписание и начала привычный торг с собой. Совещание перенести, с поставщиком поговорить из дома, отчёт закончить ночью. Ради маминого крана такой порядок показался бы очевидным. Ради своих розеток всё выглядело слишком хлопотно.

Потом она спросила, есть ли другое время. Оказалось, в субботу утром. Это была её обычная поездка к маме. Ася попросила записать её, положила трубку и ещё несколько минут сидела в машине. Несрочный домашний ремонт впервые изменил семейное расписание. Не болезнь, не чужая задержка, не оправдание, которое никто не решится оспорить.

Людмиле она написала вечером. Приедет позже, если той удобно. Мама ответила, что после обеда уходит с Ниной, и предложила воскресенье. Ася уже приготовилась отказаться от мастера, но увидела, что вопрос пока только в двух днях. В воскресенье у неё было свободное утро. Они договорились.

В субботу мастер пришёл вовремя и попросил освободить шкаф возле стены. Ася не подготовила его. Полчаса вытаскивала кастрюли, пакеты и чашку, которую давно считала потерянной. Ей было стыдно за беспорядок перед незнакомым человеком. Он спросил только, куда поставить инструменты. Потом занялся своей работой, а она неожиданно осталась без дела в собственной кухне.

Сначала попыталась отвечать на письма. Из соседней комнаты доносились стук, движение стула, короткое бормотание. Ася несколько раз поднялась посмотреть, не нужно ли чего. Ничего не требовалось. Она сварила кофе в коридоре, где ещё стоял чайник, и присела на скамейку у окна. За окном люди несли сумки, возвращались с прогулки, кто-то долго парковался. Никому не было видно, что для неё это утро — почти новое занятие: заниматься своим домом, не используя его как промежуток между поездками.

Ремонт занял дольше обещанного. Мастер показал, что сделал, объяснил, что потребуется ещё, назвал стоимость. Ася уточнила непонятное и попросила прислать сведения письменно. Он прислал. Она заплатила, убрала инструменты из памяти и вернула кастрюли на полку.

К обеду устала. Хотелось позвонить маме и сообщить, что день прошёл с пользой. Не просто сидела дома вместо поездки — организовала, решила, привела в порядок. Уже открыла переписку, но вспомнила, что Людмила сейчас где-то с Ниной и не ждёт отчёта. Отправила фотографию найденной чашки: «Представляешь, вот где была». Мама ответила вечером смеющимся лицом и спросила, работают ли теперь розетки.

Ася ответила, что работают. Потом добавила, что приятно наконец ставить чайник на кухне. В этом сообщении была её собственная маленькая радость, которую не хотелось уменьшать из-за того, что у других бывают дела важнее.

В воскресенье за завтраком Людмила спросила про цену. Ася назвала сумму и тут же стала объяснять, почему дорого. Мама удивилась: она хотела понять, сколько примерно взять с собой, если её розетка тоже окончательно сломается. Дочь остановилась посреди оправдания. Вопрос о расходе мог быть обычным вопросом.

Они договорились, что Людмила сначала сама уточнит, в чём дело, а если понадобится тот же мастер, попросит номер. Ася не стала записывать её немедленно. Сегодня у мамы ничего не искрило, срочности не было, и свой план та могла составить сама.

После завтрака они вместе вышли на улицу. Нина звала зайти посмотреть новый шарф, но Людмила не хотела. У неё был другой маршрут. Ася пошла рядом до остановки и заметила, что мама тоже иногда отказывается от чужого предложения без большого объяснения. Получалось не всегда, и дочь не стала превращать один отказ в урок. Просто увидела, что у Людмилы есть собственный день.

Дома чайник включился с первого раза. Ася осталась стоять у кухонной стены, слушая знакомый шум воды. Вечер не требовал новых выводов. Завтра предстояла работа, в среду нужно было позвонить маме, а сейчас хотелось сделать бутерброд и дочитать то, что всё время лежало на подоконнике. Розетки больше не были историей про то, как она опять себя забросила. Они просто работали.

У той встречи с поставщиками всё-таки оказалось продолжение. Ася отправила условия и получила уточнения по части, которую пропустила, пока говорила с мамой в коридоре. В письме была ссылка на устную договорённость. Она её не слышала.

Пришлось обратиться к коллеге, которая оставалась в переговорной. Та объяснила, что обсуждали, но попросила в следующий раз заранее передавать свою часть, если Ася выходит. В её голосе не было желания наказать. Была обычная рабочая просьба, которая почему-то задела сильнее, чем прямой упрёк.

Дочери давно хотелось, чтобы окружающие понимали семейную нагрузку. Но понимание не делало пропущенную часть встречи выполненной. Другой человек в тот момент подхватил её работу. Это тоже стоило заметить.

Ася поблагодарила и признала, что вышла без договорённости. Не стала рассказывать все подробности маминого письма. Достаточно было назвать, что произошло, и обсудить следующий раз. Если понадобится срочно выйти, сообщит, что нужно продолжить без неё, а после сама уточнит пропущенное. Если вопрос несрочный, вернётся к нему позже.

Вечером она написала Людмиле о следующем рабочем окне, в которое не сможет разговаривать. Мама спросила, что случилось. Ася сначала ответила слишком подробно, потом сократила: встреча, час занятости, потом перезвонит. На случай действительно плохого самочувствия у них был отдельный порядок, который не зависел только от дочернего телефона.

Мама сказала, что поняла. На следующий день всё равно позвонила во время этого часа. Ася увидела вызов уже после встречи и почувствовала злость: зачем тогда говорили? Перезвонила, уточнила. Людмила забыла время, вопрос был обычным.

Дочь напомнила и не стала читать лекцию о неуважении. Одно забытое окно ещё не доказывало, что мать сознательно проверяет её предел. Но и решать всё немедленно после злости не хотелось. Ася назвала вечернее время, и мама согласилась.

Вечером они разобрались за несколько минут. Людмила спросила, как прошла встреча. Ася сказала, что устала, но получилось неплохо. Раньше за этим последовал бы длинный рассказ с подробностями, чтобы мама не думала, будто дочь от неё отмахнулась. Сегодня хватило нескольких фраз.

Потом Ася села за работу, которую планировала закончить до ужина. Поняла, что уже голодна, закрыла ноутбук и разогрела еду. Условия с поставщиками были отправлены, следующий шаг согласован. День не требовал дополнительного наказания за прошлую ошибку.

В ящике лежала короткая записка с рабочими договорённостями. Рядом — лист про мамины дела. Они не соревновались за право быть единственно важной частью жизни. Оба помогали видеть, кому и что Ася обещает. Впервые хотелось добиваться не впечатления, что она справляется со всем, а положения, в котором обещанное действительно можно выполнить.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.